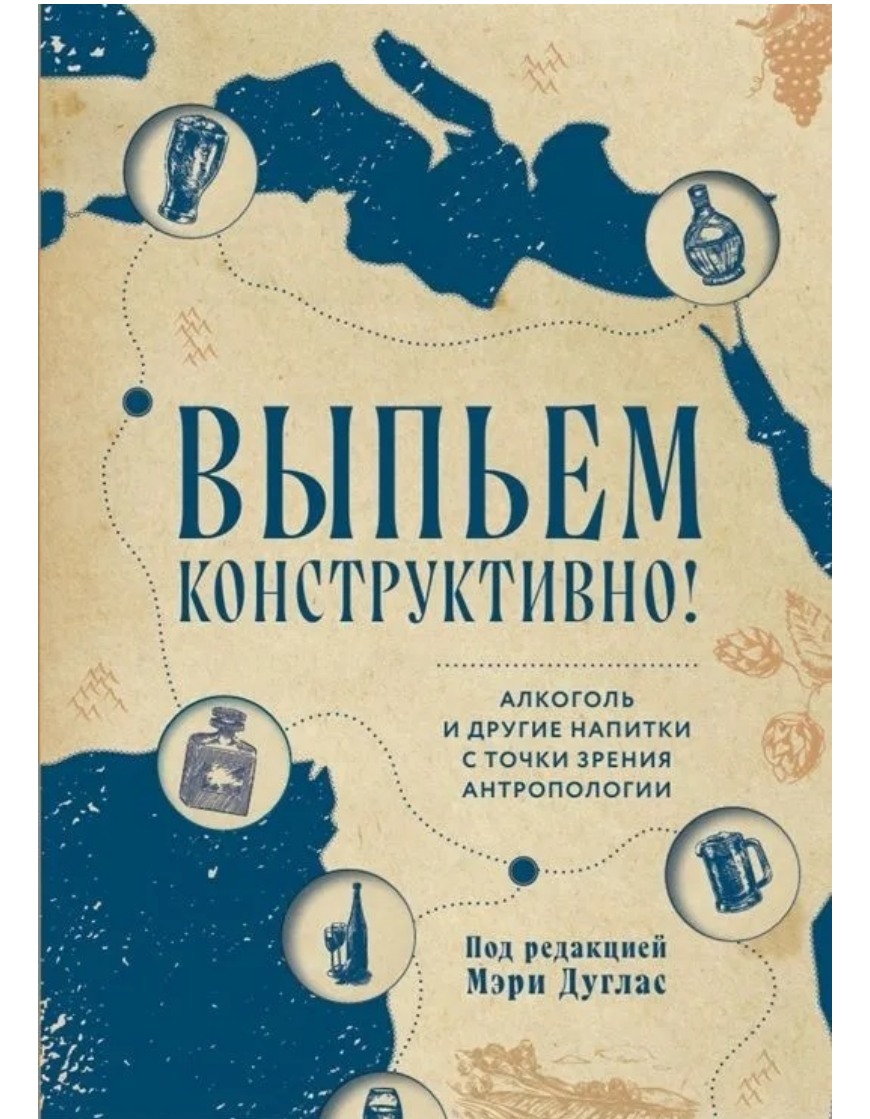

ВЫПЬЕМ КОНСТРУКТИВНО!

АЛКОГОЛЬ
И ДРУГИЕ НАПИТКИ
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
АНТРОПОЛОГИИ

Под редакцией
Мэри Дуглас

Сборник статей
Выпьем конструктивно!
Алкоголь и другие напитки с
точки зрения антропологии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74628591

*Выпьем конструктивно! Алкоголь и другие напитки с точки зрения
антропологии:
ISBN 978-5-6054349-7-9*

Аннотация

Сборник статей «Выпьем конструктивно!» под редакцией выдающегося антрополога Мэри Дуглас даже почти четыре десятилетия после его оригинальной публикации обещает российскому читателю немало открытий. Прежде всего, ключевая тема сборника – антропологический и социологический анализ употребления алкоголя и других напитков – парадоксальным образом не слишком популярна среди российских ученых, хотя в англо-американской науке в этом поле ещё в 1960-70-х годах сложилось целое направление исследований. Тексты, вошедшие в сборник, представляют собой попытку подвести итог этой работы и представить её лучшие образцы – от включённых полевых наблюдений до макроисторических конструкций. География материала сборника охватывает чуть ли не весь мир – от тосканских виноделов до мексиканских

бутлегеров и ритуалов тихоокеанского королевства Тонга. Столь богатая эмпирическая база демонстрирует, с одной стороны, поразительное разнообразие ритуалов, связанных с употреблением напитков, а с другой – их схожую роль в организации социального мира в разных частях планеты. Издание снабжено подробными комментариями, предисловием переводчика и послесловием научного рецензента.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Бокала милый ритуал...	6
Часть первая	31
I	31
II	68
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Выпьем конструктивно!
Алкоголь и другие
напитки с точки
зрения антропологии

© ООО «Книгократия», 2026

Бокала милый ритуал...

Предисловие переводчика

Тупой-тупой выпьет, крякнет и говорит:

«А! Хорошо пошла, курва!»

А умный-умный выпьет и говорит: «Транс-ценден-тально!»

Венедикт Ерофеев. Москва – Петушки

Вино для научного представления превратилось просто в жидкость, жидкость – в одно из универсальных, повсюду возможных агрегатных состояний материи. Мы упустили задуматься о том, что вмещает чаша, и как вмещает... В чаше дают выпить воды, вина. В подносимой воде присутствует источник... В воде источника присутствует бракосочетание неба и земли. Оно присутствует в вине от плода виноградной лозы, в котором взаимно вверились друг другу соки земли и солнце небес. В подношении воды, в подношении вина по-своему пребывают небо и земля...

Мартин Хайдеггер. Вещь

В достаточно вольном переводе названия этой книги, в оригинале выглядящего как *Constructive Drinking*, читатель при желании, разумеется, может усмотреть призыв в духе «выпьем и снова нальём», но смысл такого решения переводчика определённо заключался в другом. Этот сборник статей

под редакцией Мэри Дуглас, одного из крупнейших антропологов XX века, является выдающимся образцом конструктивистской парадигмы в социальных науках, по значимости вполне сопоставимым с вышедшей примерно одновременно с ним знаменитой книгой «Изобретение традиции» под редакцией историков Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера. Но если радикально-конструктивистская концепция изобретения традиции в русскоязычной академической среде и за её пределами известна довольно неплохо, то не менее важное применение конструктивистского подхода к миру различных напитков как проекции социального мира в целом для многих российских исследователей, прежде всего антропологов и социологов, откроет как минимум новые имена в истории этих дисциплин. Авторы статей, вошедших в сборник, ранее почти не переводились, причём этот список из полутора десятков имён – лишь верхушка айсберга. Представленная в статье Дуайта Хита (глава 2) огромная библиография антропологических исследований алкоголя – довольно выборочная и охватывающая всего одно десятилетие (1970–1980) – наглядно демонстрирует, что этот пласт мировой науки до недавнего времени оставался почти вне поля зрения российских учёных: из моря упоминаемых статей и монографий на русский не переведено почти ничего ¹.

¹ Из значимых обзорных работ российских авторов по этой теме отметим прежде всего следующую статью: В. А. Кондратенко, Я. М. Рощина. Можем ли мы объяснить различия в моделях потребления алкоголя: обзор теоретических подходов // *Экономическая социология*. Т. 22. № 3. Май 2021. С. 129–157, в ко-

В том, что в оригинале сборник под редакцией Дуглас вышел в 1987 году, для российского читателя присутствует определённая горькая ирония. Исследования алкоголя заявили о себе как о состоявшемся самостоятельном направлении социальной науки в тот самый момент, когда в Советском Союзе разразилась антиалкогольная кампания, проводившаяся, как водится, по принципу «до основания, а затем». В моих детских воспоминаниях она сохранилась довольно отчётливо – все эти пропагандистские плакаты типа «Трезвость – норма жизни» или «Алкоголь – природы боль» на фоне длинных «хвостов» за водкой, соседки Аделины, обеспечивавшей самогоном окрестных алкашей, и в одночасье исчезнувших с витрин магазинов банок с фруктовым соком, который граждане перегоняли на дому и в гаражах в ответ на горбачёвский «сухой закон». Правда, уже совсем скоро, на рубеже 1988–1989 годов, в журнале «Трезвость и культура» (!) будет опубликована, пожалуй, ничем не уступающая научному исследованию по глубине своих прозрений поэма Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки», которую и по сей день можно считать главным русским вкладом в антропологию алкоголя. Но если серьёзно, то в этом направлении знания российским социальным исследователям и правда похвастаться откровенно нечем. О причинах этого можно рассуждать долго, но в их списке на первое место напраши-

торой также представлена обширная (и, опять же, почти не переведённая) библиография, включая сборник *Constructive Drinking*.

вается банальное ханжество, с которым было сопряжено восприятие темы алкоголя в советском обществе, а его постсоветский преемник такой подход в немалой степени унаследовал и приумножил. На повторение безумного позднекоммунистического эксперимента, ударившего по дышавшему на ладан бюджету и подорвавшего остатки доверия людей к советской власти, сегодня, конечно, никто не пойдёт, но в небезызвестных попытках борьбы с алкогольными эксцессами исключительно путём запретов безошибочно угадывается всё та же знакомая стилистика. Но давайте всё же обратимся к книге.

* * *

Для Мэри Дуглас, к середине 1980-х годов уже добившейся статуса «звезды» мировой антропологии, этот сборник стал логичным продолжением двух её предшествующих работ – книги «Мир товаров: к антропологии потребления» (1979), написанной совместно с Бэрроном Ишервудом, и коллективной монографии «Еда в социальном порядке», посвящённой пищевым привычкам и ритуалам американцев (1984). А эти работы, в свою очередь, вписываются в более масштабный исследовательский контекст 1950–70-х годов, когда социологи, антропологи и культурологи на фоне бума послевоенного «общества изобилия» занялись изучением кодов и ритуалов повседневности, воплощённых в

том числе в напитках и способах их употребления. Особый вклад в эту работу внесли французские исследователи, благо у них для анализа мира напитков имеются очевидные естественные предпосылки: вино, нельзя не согласиться с Роланом Бартом, «переживается французами как национальное достояние, это напиток-тотем»². В работе Пьера Бурдьё «Различение. Социальная критика суждения вкуса», вышедшей незадолго до сборника под редакцией Дуглас (и тоже, увы, пока так и не переведённой на русский), напитки – различные виды вина, пиво, минеральная вода и др. – выступают одним из ключевых маркеров на знаменитых схемах пространства социальных позиций, при помощи которых Бурдьё описывает структуру современного ему французского общества (похожие схемы представлены в статье Лайзы Энн Гурр о роли напитков в цикле произведений Жоржа Сименона о комиссаре Мегрэ, глава 12). Напитки, наряду с такими элементами материального мира, как автомобили, газеты, обустройство дома и т. д., оказываются, с точки зрения Бурдьё, важнейшим элементом системы «дифференциальных отклонений, позволяющих выражать самые фундаментальные социальные различия», и предоставляют «практически неисчерпаемые возможности для стремления к отличию»³.

² Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2008. С. 137.

³ Bourdieu, Pierre. *Distinction*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1984 (Bourdieu, Pierre. *La Distinction*. Critique sociale du jugement. Paris, Les Éditions de Minuit, 1979). P. 226.

Французам принадлежит особая роль и в формировании собственно антропологической перспективы исследования напитков – здесь в первую очередь нужно, конечно же, упомянуть важнейшую позднюю работу Эмиля Дюркгейма «Элементарные формы религиозной жизни» и ключевой текст его племянника Марселя Мосса «Опыт о даре». Книга Дюркгейма для нескольких поколений антропологов и социологов выступает основополагающим исследованием ритуала, и связь с миром напитков здесь совершенно очевидна: напитки не только сопровождают различные ритуалы, но и их употребление само по себе нередко представляет собой ритуал. При этом в контексте нашей книги необходимо подчеркнуть, что речь идёт не только об алкоголе – ритуальные функции могут выполнять и другие напитки, например, чай (см. статью Хаима Хазана, глава 11) или отвар растения кава, используемый в церемониальных целях коренными народами Тихого океана (см. статью Элизабет Ботт, глава 10)⁴. Тем временем знаменитое московское эссе о даре является важнейшим источником для понимания того, поче-

⁴ В связи с Дюркгеймом можно привести ещё одну примечательную отсылку к миру напитков. Один из важнейших терминов «Элементарных форм религиозной жизни» – «коллективное бурление» – в оригинале выглядит как *collective efervescence*. В бытовом употреблении французское слово *efervescence* обозначает, в частности, вспенивание игристого вина, когда его наливают в бокал – примечательная параллель, если вспомнить, что этот напиток часто сопровождает мероприятия, имитирующие или индуцирующие «коллективное бурление» (об этом подробно пишет в своей статье о контекстах употребления игристого вина и шнапса в Австрии Мэри Анна Торнтон, см. главу 5).

му напитки легко превращаются в нечто вроде валюты, причём с отчётливым эмоциональным наполнением, в отличие от обычных обезличенных денег. «Проставиться» по некоему подходящему случаю или в ответ на какую-то услугу – одно из важнейших современных проявлений той разновидности взаимодействий, которые антропологи называют реципрокностью, а одновременно и способ накопления социального капитала. Как изящно и явно со знанием дела формулирует эту мысль Дуглас Марс в короткой, но предельно иллюстративной статье о докерах Ньюфаундленда (глава 4), «в бутылке крепкого алкоголя содержится примерно 20 порций – 20 единиц социального кредита, принадлежащих кому-то одному, и эти единицы можно публично начислять себе, "начисляя" собравшимся».

Среди англоязычных авторов, оказавших особое влияние на тексты, представленные в сборнике, можно особо отметить две фигуры – англо-американского антрополога Виктора Тёрнера и канадскоамериканского социолога Эрвина Гоффмана, в чьих работах анализу ритуала также принадлежит важнейшее место. О влиятельности исследований ритуала и символического действия, предпринятых Тёрнером преимущественно на материале африканских народов, свидетельствует по меньшей мере тот факт, что его концепция находит отражение в таких разных темах сборника, как модель употребления алкоголя в США (глава 3), движение Анонимных Алкоголиков (глава 9), церемония кавы на Тон-

ге (глава 10) и чаепитие, организующее социальный мир в лондонском доме престарелых (глава 11). В свою очередь, социология Гоффмана оказывается незаменимым помощником в понимании того, какую роль напитки и их употребление играют в организации нашего повседневного опыта ⁵. С одной стороны, алкоголь выступает в роли «переключателя фреймов»: например, когда в офисе кто-то говорит «пора выпить», эта фраза, помимо буквального смысла, означает ещё и конец рабочего дня, после которого на социальной сцене происходит смена декораций – коллеги сбрасывают официальные маски, сопровождая это кружкой пива или порцией виски в ближайшем пабе (см. главу 3). Но в то же время напитки сами выступают активным компонентом фреймов, задающих как считывание нами смыслов происходящего, так и наше поведение на сцене и за кулисами. Например, у австрийцев во время приёма гостей зект (игристое вино) «подаётся в наиболее подходящей для формальных церемоний части дома, причём хозяева и гости в этот момент будут сидеть с бесстрастным видом, тогда как шнапс можно принести куда угодно, возможно, даже когда гости толпятся в коридоре или на улице, – словом, туда, где и когда появится настроение выпить» (глава 5).

Ещё одним важнейшим контекстом развития антрополо-

⁵ Для самого Гоффмана приоритетом, несомненно, выступали не напитки, а связанные с их употреблением взаимодействия, например, в барах (ряд подробных описаний сцен, разворачивающихся в барах, присутствует в его работе «Ритуал взаимодействия»).

гических исследований напитков была масштабная дискуссия о природе алкоголизма, основные позиции участников которой представлены в обзорной статье Дуайта Хита (глава 2). Здесь, конечно, нет необходимости вдаваться во все перипетии этой полемики – достаточно лишь сформулировать ключевой, с точки зрения антропологии, тезис: сама эволюция представлений о воздействии алкоголя на людей демонстрирует то, как напитки выступают важнейшим элементом социального конструирования реальности. Например, представление об алкогольной зависимости (аддикции) в европейской культуре возникает достаточно поздно – на рубеже XVIII–XIX веков, а концепция алкоголизма как болезни существует и того меньше, с середины позапрошлого столетия, и разделяется далеко не всеми специалистами. Характерным примером, к которому обращается Хит, является переклассификация алкоголизма Американской медицинской ассоциацией в течение каких-то 25 лет: если в 1956 году алкоголизм был признан «болезнью», то в 1980 году его сочли всего лишь «нарушением» или «расстройством». Однако это не просто спор о словах, поскольку последствия подобной игры дефинициями определённо лежат в плоскости «благих намерений государства». Название знаменитой книги Джеймса Скотта (в оригинале: «Видеть как государство») вспоминается само собой, когда начинаешь вдаваться в официальную статистику, связанную с потреблением алкоголя и масштабом проблем алкогольной зависимости. Например, если

государство бодро рапортует о снижении потребления алкоголя населением (что, в свою очередь, могут поставить себе в заслугу чиновники, ответственные за программы «здорового образа жизни»), это, как правило, означает лишь то, что статистика «увидела» сокращение его официального производства или снижение поступления акцизов. Однако за пределами этих цифр неизбежно остаётся неформальный сектор – крайне важный для многих экономик, прежде всего развивающихся (см. статью Томаса Крампа о нелегальном рынке рома в мексиканском штате Чьяпас, глава 13). Что же касается официальных данных о количестве алкоголиков, то здесь властям приходится ориентироваться на сведения, получаемые от профильных медицинских учреждений, которые тоже, несомненно, руководствуются собственной ведомственной логикой в подготовке соответствующей цифри. Что происходит в реальности, можно только догадываться, держа в уме бессмертную формулировку Довлатова: «Алкоголизм излечим – пьянство нет».

* * *

Статьи, формирующие основную часть книги, разделены на три части: «Напитки конструируют мир, как он есть», «Напитки конструируют идеальный мир» и «Алкоголь укрепляет альтернативную экономику» – замысел такой композиции объясняется во вводной статье Мэри Дуглас

(глава 1). В то же время связующей нитью для этих текстов выступают не только напитки и их употребление – каждый автор обращается к специфическому опыту, особому жизненному миру своих героев, выполняя главную задачу антропологии, как её формулирует тот же Дуайт Хит – обнаружить и описать «такие воззрения и разновидности поведения, которые порой сильно расходятся с расхожими наивными представлениями о "человеческой природе"». Поэтому далее, представляя вкратце каждую из статей, хотелось бы сделать упор именно на уникальности человеческого опыта, который удалось обнаружить коллегам Мэри Дуглас, тем более что во многом этот опыт уже, скорее всего, безвозвратно стал достоянием прошлого. За четыре десятилетия, прошедшие с момента выхода книги, многие описанные в ней практики, вероятно, либо исчезли, либо существенно трансформировались под воздействием глобализации.

В центре статьи маститого калифорнийского социолога Джозефа Гасфилда (глава 3), посвящённой изменению моделей употребления алкоголя американцами, оказывается опыт времени – к анализу в духе Гоффмана Гасфилд неявно добавляет феноменологический подход и веберовские мотивы, лежащие в основании противопоставления традиционного и модерного. Вспомним знаменитый фрагмент из «Протестантской этики и духа капитализма», где Вебер цитирует Бенджамина Франклина как образец американской культуры: «Помни, что *время – деньги*... Стук твоего молотка,

который твой кредитор слышит в 5 часов утра и в 8 часов вечера, вселяет в него спокойствие на целых шесть месяцев; но если он увидит тебя за бильярдом или услышит твой голос в трактире в часы, когда ты должен быть за работой, то он на следующее же утро напомним тебе о платеже и потребует свои деньги»⁶. Примерно до середины XIX века, отмечает Гасфилд, выпивать на работе для американцев не считалось чем-то зазорным, однако «с появлением индустриальной организации общества более распространённым стало разделение между трудом как сферой, предполагающей трезвость, и отдыхом как сферой, где допустимо быть нетрезвым». Иными словами, отдых, досуг – это промежуток времени, где можно позволить себе небольшие «моральные каникулы» или «культурную ремиссию», однако такая установка отнюдь не универсальна для американской культуры, пронизанной пресловутой протестантской этикой. Наряду с моделью, предполагающей чёткое соотнесение алкоголя с нерабочим временем, для США чрезвычайно характерна установка на полное воздержание от спиртного, в основе которой лежит совершенно иное представление о природе досуга. В этой концепции времени, не занятого работой, нет место предосудительным удовольствиям, которые, как выразился один проповедник XIX века, «не укрепляют нас для трудов грядущего дня и лишены духовной ценности». Собственно, отсюда и вытекают все магистральные сю-

⁶ Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 71.

жеты американской жизни, связанные с алкоголем, прежде всего массовые движения борцов за трезвость и одиозный «сухой закон» 1920–1933 годов. В США, резюмирует Гасфилд, употребление спиртного остаётся предметом политических, правовых и социальных конфликтов: в американской культуре для спиртного установлены институциональные рамки, однако выпивка по-прежнему считается чреватой непредсказуемой опасностью.

Джеральд Марс, британский специалист по антропологии труда, в статье, посвящённой докерам Ньюфаундленда (глава 4), описывает мир, который для носителя русской культуры, скорее всего, ассоциируется с персонажами произведений Максима Горького. Во многом этот мир несёт следы доиндустриальной организации труда с артелями портовых рабочих, проводящих свободное время в кабаке, пропивая заработанные деньги, но для Канады 1970-х годов этот уклад едва ли можно назвать совершенно архаичным. В современном потребительском обществе, отмечает Марс, подобные ниши, обитатели которых предаются проматыванию денег, действительно выглядят атавизмом или вообще антисоциальным явлением, но при этом докеры способны выступать организованной силой в конфликтах с портовым начальством, их интересы представляет профсоюз, и алкоголь здесь выполняет ряд специфических функций. Прежде всего, он сплачивает бригады – базовые единицы коллективных действий: стать постоянным участником бригады означает

не только гарантированную работу, но и место в компании за пивом в кабаке после трудового дня. Тем, кого в бригаду по тем или иным причинам не берут, приходится пить на улице, причём не пиво, а дешёвый ром или вино из одного стакана, передаваемого по кругу. Но совместные возлияния в кабаке выступают не только чем-то вроде привилегии для избранных, но и обязанностью, пренебрегать которой могут лишь рабочие, поднявшиеся на следующую ступень иерархии – представителей бригад в трудовых спорах. Обязательства этих «агитаторов» перед коллективом погашаются иными средствами, однако их функцию как непьющих людей, подчёркивает Марс, невозможно уяснить без понимания роли алкоголя и его места в интеграции рабочих.

Мэри Энн Торнтон, молодая исследовательница, собиравшая полевой материал в сельской местности Австрии неподалёку от Вены, в своей уже упоминавшейся выше статье (глава 5) проявляет, пожалуй, самое важное для антрополога качество – внимание к мелочам, тем микроэлементам, из которых в итоге складывается общая картина социального мира. Одно из самых любопытных наблюдений Торнтон, помимо уже отмеченных, заключается в том, что в социальном пространстве напитки могут объединяться в кластеры, не соответствующие их физическому происхождению. Характерный пример – контекстуальная пара, которую составляют шнапс, то есть крепкий фруктовый дистиллят, и белое сухое вино. В описываемом регионе Австрии эти напитки, совер-

шенно разные по технологии производства и исходным материалам, сопровождают домашние посиделки, причём считается, что лучше покупать их не в магазине, а напрямую у мелких производителей или делать своими силами, а их качество выступает особым поводом для гордости при угощении гостей. С другой стороны, игристое вино (зект) и пиво – ещё одна пара напитков разного происхождения и разных вкусовых свойств – воспринимаются как чисто фабричный стандартный продукт, обсуждать достоинства которого не особенно требуется. Эти различия предопределяют специфику социальных проекций: например, уместным напитком для того, чтобы выпить на брудершафт и перейти на «ты», будет как минимум сухое вино, а лучше всего, конечно же, шнапс.

Особое место в книге занимают два эссе, посвящённых Африке – континенту, где во многом сформировалась блестящая репутация Мэри Дуглас в мире антропологии, прежде всего благодаря её второй большой книге «Леле из Касаи» (1963), написанной по итогам исследований на территории Бельгийского Конго, в дальнейшем – Демократической Республики Конго. Нынешний посол этой страны в Великобритании Ндоламб Нгокви – выходец из народа леле – в молодости занимался антропологическими исследованиями, одно из которых посвящено культуре пальмового вина у его соотечественников (глава 6). В этой наполненной юмором статье также предпринимается попытка карто-

графировать социальное пространство при помощи напитков – точнее, всего одного напитка, максимально простого в изготовлении и, вероятно, не слишком чреватого фатальными последствиями для организма при регулярном употреблении. Пальмовое вино у леле выступает, с одной стороны, маркером гендерных различий: мужчинам и женщинам предлагается пить разные его типы, – а с другой, активирует механизмы неформального решения различных проблем. Во время официальных собраний леле, касающихся общественно-политических вопросов, этот напиток не употреблялся, но все прочие дискуссии и не решённые в формальном порядке споры неизменно сопровождались пальмовым вином.

Статью об этой «лесной диковинке» дополняет текст Фарнхама Рефиша о соревнованиях по угощению пивом у нигерийского народа мамбила (глава 8) – в отдельных случаях этот ритуал может длиться несколько десятилетий, начинаясь с одного горшка и заканчиваясь «пиром на весь мир» с участием целых деревень. Особый интерес в описании этого ритуала, выступающего одним из ключевых точек в социальной жизни мамбила, представляет его весьма детализированный неписанный регламент. Правил настолько много, что сохранять длительные отношения с компаньоном по пивному соревнованию удаётся очень немногим, и «ветераны» этого своеобразного спорта пользуются в обществе мамбила особым уважением. Пикантный контекст этому столь же смешному, как и статья про пальмовое вино, очерку, до-

бавляет ещё одна деталь из области пищевых привычек: ещё в первой половине XX века мамбила активно практиковали каннибализм. Фарнхам Рефиш сей факт предпочел опустить, но британский антрополог Чарльз Кингсли Мик, одна из работ которого упоминается в библиографии к статье, оставил о мамбила весьма устрашающие свидетельства. Впрочем, на то, что эти африканские любители пива отнюдь не безобидны, в статье Рефиша намекает такая подробность: приходя на большую пивную церемонию, мамбила должны были сдавать своё оружие хозяевам банкета.

Работа Энн Тайлер Калабрези о крестьянском виноделии в Тоскане (глава 7), на мой вкус, является лучшим текстом сборника, и не только потому, что переводчик давно питает слабость к хорошему вину. В этом эссе точность включённых наблюдений и доскональное понимание процесса изготовления вин дополняются блестящим стилем, благодаря которому исследовательская работа сближается с художественным творчеством: в нескольких осенних днях пожилого фермера Адамо раскрывается весь его жизненный мир – более наглядную иллюстрацию этого термина из поздних работ Эдмунда Гуссерля придумать сложно ⁷. При этом на фоне описания уборки винограда и закладки будущего вина, пуль-

⁷ И здесь, конечно же, напрашивается ещё одна цитата из Хайдеггера в дополнение к вынесенной в эпиграф – из его знаменитого эссе «Просёлок»: «Простота несложного сберегает внутри себя в её истине загадку всего великого и непреходящего. Незванная, простота вдруг входит в людей и, однако, нуждается в том, чтобы вызывать и цвести долго» (пер. А. Михайлова).

сирующего итальянскими словечками и поговорками, неизменно присутствует макроисторический контекст: Энн Тайлер Калабреззи отправилась в Тоскану изучать сохранявшийся там ещё в конце XX века средневековый тип издолыщины – меццадрию. «Если мы хотим, чтобы всё осталось как есть, нужно, чтобы всё изменилось», – эта знаменитая фраза из романа Джузеппе Томмази ди Лампедузы «Леопард» об объединении Италии в середине XIX столетия в статье Калабреззи не упоминается, но отчётливо присутствует в подтексте. «Все свои вина... Адамо делал по старинке, без каких-либо компромиссов с новыми технологиями или химикатами» – до всемирного бума «органического» виноделия остаётся не так много времени, хотя продвигать эту моду – очередное изобретение традиции – будут, конечно, совсем другие люди, возможно, дети того же Адамо, перебравшиеся в город.

В статье Пола Анце, посвящённой движению Анонимных Алкоголиков (глава 9), рассматривается вопрос о том, почему эта организация с весьма рыхлой структурой, отсутствием формального членства и вертикальной иерархии добилась весьма впечатляющих успехов в борьбе с алкоголизмом, которые признают даже медики. Ответ исследователя не удивит никого, кто так или иначе соприкасался с АА (в моём случае в их ряды вступил близкий друг, которого хотелось бы поблагодарить за консультации при переводе этой статьи): по сути дела, это некая разновидность религии с очень высоким уровнем лояльности адептов – однако

за этим вполне очевидным выводом скрывается ряд нетривиальных наблюдений. Например, если сравнить методы работы АА с традиционными религиями, которые также прилагают немало усилий в борьбе с алкоголизмом, обнаруживается любопытная особенность: «решительное нежелание кого-либо осуждать является важным фактором успеха АА, поскольку... алкоголики как особая группа печально известны своей предельной резистентностью к нравственным увещаниям». Иными словами, АА не страшат своих адептов в духе «не пей – козлёночком станешь», полагаясь на то, что преобразующий опыт «капитуляции» рано или поздно произойдёт с каждым настоящим алкоголиком и заставит его не «завязать» волевым решением, а спонтанно перейти в некое качественно иное состояние: «Наше новое отношение к алкоголю даётся нам без каких-либо усилий с нашей стороны. Оно просто наступает!» Кстати, в случае с другой зависимостью, никотиновой, на собственном опыте готов подтвердить, что это работает: курить не надо бросать – достаточно просто перестать.

Работа Элизабет Ботт о церемонии кавы на архипелаге Тонга (глава 10) чрезвычайно интересна благодаря нескольким уникальным обстоятельствам. Во-первых, эта исследовательница внесла вклад сразу в две дисциплины – антропологию и психоанализ (причём в последний даже более значимый, в том числе как редактор серии «Новая библиотека психоанализа» в издательстве *Routledge*), – и сочетание двух

этих подходов в случае анализа тонганских мифов выглядит весьма продуктивно. Во-вторых, это один из немногих тестов сборника, где не идёт речь об алкоголе, хотя функционально напиток из кавы во многом выполняет ту же функцию, что и вино в ритуалах других культов – символизирует союз неба и земли (которому посвящён отрывок из позднего Мартина Хайдеггера, вынесенный в эпиграф этого предисловия), выступая отражением двух мифов, о земном происхождении кавы и о небесном происхождении тонганских титулов. В-третьих, сам материал статьи Ботт: среди островов Океании Тонга не была настолько «топовым» местом для классиков антропологии, как, например, Тробрианский архипелаг или Гавайи, но, безусловно, заслуживает не меньшего внимания. Трёхуровневая тонганская система стратификации – титулы, персональные ранги и неформальная влияние – выступает, как показывает Ботт, своеобразным механизмом сдержек и противовесов, препятствующим падению этого изолированного общества в состояние войны всех против всех, и церемония кавы является символическим фокусом этого совершенно непривычного для западного наблюдателя устройства социума.

Израильский учёный Хаим Хазан, автор ещё одной статьи сборника, не связанной с алкоголем (глава 11), известен как авторитетный специалист по антропологии старости, и героями его работы являются пожилые лондонские евреи, получающие социальную помощь в благотворительном центре. В

фокусе их социального мира находится ритуал чаепития, который вновь анализируется в феноменологической перспективе – как событие, организующее темпоральный опыт посетителей центра. Их жизнь за пределами этого учреждения настолько тяжела и непредсказуема, что регулярные чаепития выступают событием, вносящим в их мир хоть какую-то упорядоченность и структуру. Вот как описывает это ощущение один из посетителей центра: «Когда я был моложе, люди знали, как надо подавать чай, а потом забыли даже это, но когда я попал в центр, оказалось, что тут об этом помнят». Однако у этого рационализирующего процесса незамедлительно обнаруживается обратная сторона: даже в таком круге людей, равных в своей обездоленности, находятся возможности для выстраивания неформальной иерархии, на нижних уровнях которой в восприятии завсегдатаев центра оказываются не только его нежелательные посетители, но и персонал. То обстоятельство, что расстановку ролей в этом социальном микромире определяет чаепитие, вновь напоминает об особой роли напитков в конструировании реальности.

Лайза Энн Гурр, выпускница факультета антропологии чикагского Северо-Западного Университета, в статье о роли напитков в произведениях Жоржа Сименона о комиссаре Мегрэ (глава 12) остроумно демонстрирует потенциал антропологического подхода к анализу художественной литературы. Париж Мегрэ, безусловно, мир вымышленный, а в

случае напитков даже гротескный, поскольку такое количество алкоголя, которое поглощает герой Сименона, начинающий выпивать сразу по приходу на работу, по определению несовместимо с профессиональной деятельностью детектива (таблица с указанием того, что именно и сколько пьёт Мегрэ, чем-то напоминает графики употребления алкоголя советскими гражданами из «Москвы – Петушков»). Но в художественном мире Сименона, как убедительно демонстрирует Гурр, за каждым напитком закреплено отчётливое место: «Напитки употребляются в рамках определённой социальной системы и выступают означаящим этой системы, указывая на определённые группы – социальные классы, мужчины и женщины, иностранцы и отщепенцы». Преступление в Париже Сименона – это не просто нарушение закона, а нарушение социального порядка, на страже которого стоит Мегрэ. Такой же аномалией оказывается несоблюдение норм, связанных с напитками – например, пьющая женщина или, наоборот, непьющий мужчина, – намекающее Мегрэ на то, где искать преступника ⁸.

В третьей части книги читателя, настроенного на антропологический лад, ждёт неожиданная встреча с политической экономией и исторической социологией. Например,

⁸ Столь же продуктивным представляется комплексный анализ напитков в «Евгении Онегине» Пушкина, в разрозненном виде представленный в комментариях к этому произведению Юрия Лотмана и Владимира Набокова. «Энциклопедия русской жизни», разворачивающаяся в «Евгении Онегине», конечно же, не обходится без самых разных напитков – вин, чая, кофе, наливки и т. д.

статья американского социолога и религиоведа Гиллеля Левина (глава 14) посвящена такому печально известному институту экономической истории Польши, как пропинация – нечто вроде алкогольной повинности крестьян, которые были фактически обязаны покупать определённое количество спиртного у своих помещиков, причём производство и сбыт пива и водки обычно передавалось в «аренду» (т. е. на откуп) евреям. База статьи Левина отчётливо макроисторическая – автор опирается на работы таких крупных специалистов по раннему Новому времени, как Иммануил Валлерстайн, Перри Андерсон и один из лучших польских специалистов по истории раннего Нового времени Витольд Куля. Однако Левин не только показывает, как пропинация подрывала экономику Польши, в особенности в преддверии её разделов в конце XVIII века, но и объясняет истоки польского антисемитизма – сюжет, скорее, антропологический, чем политэкономический.

В статье Томаса Крампа (глава 13) приводится анализ развития рынка алкоголя в горной части мексиканского Чьяпаса с начала XX века, когда местных индейцев стали вербовать на кофейные плантации при помощи типичной для периферийного капитализма схемы – долговой зависимости. В качестве основного товара, при помощи которого создавался долг, выступал ром, производившийся из местного сахара. За непродолжительное время индейцы были доведены до почти полной нищеты, но во второй половине 1930-

х годов, при президентереформаторе Лазаро Карденасе, ситуацию удалось переломить: в индейских районах Мексики был введён почти тотальный «сухой закон», а индейцев стали активно привлекать к управлению территориями. Однако полноценно включить коренное население в свои программы экономического развития государству так и не удалось, поэтому в Чьяпасе стала разрастаться неформальная экономика с таким заметным сегментом, как производство нелегального рома. Её операторы быстро поняли: «при любых превратностях с предложением спрос никуда не исчезает – проблема заключается лишь в том, как его насытить». Здесь перед нами ещё один сюжет о «благих намерениях государства»: после того, как были построены дороги в горные районы, власти рассчитывали, что смогут собирать там алкогольные акцизы, но цена легального алкоголя оказалась для населения запретительной, поэтому теневые производители просто установили новый баланс рынка.

Неформальной экономике посвящена и заключительная статья сборника (глава 15), где анализируется культура грузинского застолья. Её авторы, уже упоминавшийся Джеральд Марс и его коллега Йоханан Альтман, проделали невероятную полевую работу, посетив четыре десятка (!) подобных мероприятий, причём не только в самой Грузии (и это, напомним, ещё в советские времена), но и в Израиле, где сложилась большая община грузинских евреев. Выбрав такую тему, исследователи, несомненно, шли на серьёзный риск –

чем обращаются попытки изучать кавказское застолье в поле, мы все прекрасно знаем из фильма «Кавказская пленница». Однако даже небольшая статья позволяет судить, что с этой непростой задачей авторы справились достойно: всякий, кто участвовал в грузинских пиршествах, сможет убедиться, что британские профессора предельно точно описали их структуру и функции – и наверняка заслужили от грузин достойное правильное участие застолья определение *кацо*, мужчина.

Николай Проценко, июнь 2026 года

Часть первая

Введение

I

Мэри Дуглас

Особая антропологическая перспектива

Мэри Дуглас (1921–2007) – социальный антрополог, на момент выхода книги – профессор религиоведения и антропологии Принстонского университета; член Британской академии (1989).

Общие задачи книги

Цель этой книги – подкрепить притязания антропологов на особые представления об употреблении различных напитков, прежде всего алкогольных. Как отмечает коллега Дуайт Хит (см. [Heath 1975]), до 1970-х годов паттерны мышления и действия, связанные с напитками, целенаправленно изучали лишь немногие представители нашей дисциплины. Тем

не менее антропологи много писали об алкоголе и без специальной концентрации на данном вопросе. Объясняется это следующим обстоятельством: какие бы иные темы ни лежали в основе их этнографических исследований, антропологи не могли не учитывать важность употребления алкоголя в жизни тех людей, среди которых они находились. Собранные подобные способом данные представляли собой, так сказать, удачные побочные продукты полевой работы.

В результате у антропологов сложился совершенно особый подход к алкоголю: в нашей дисциплине он не обязательно рассматривается как некая проблема. Тот же Дуайт Хит в своём обзоре опубликованных до 1970 года антропологических исследований, посвящённых алкоголю, демонстрирует, что антропологи дают любопытное переосмысление тех же самых материалов, которые изучают специалисты по злоупотреблению спиртным, неизбежно ставящие во главу угла патологические аспекты. Исследования, посвящённые злоупотреблению алкоголем, оформились как отдельное направление именно в силу серьёзных проблем, на решение которых ориентированы предлагаемые в них гипотезы и методы. Между тем, отмечает Хит, данные антропологов свидетельствуют о том, что масштаб этих проблем в медицинских и социологических работах преувеличивается. Концентрируясь на эксцессах и злоупотреблении алкоголем, их авторы, как правило, демонстрируют стойкие предубеждения западной культуры в отношении спиртного, в особен-

ности, как показывает Джозеф Гасфилд (см. [Gusfield 1963], [Gusfield 1981]), характерные для США. В более масштабной сравнительной антропологической перспективе «алкогольная зависимость» (*problem drinking*) оказывается очень редким явлением, а алкоголизм, похоже, «практически отсутствует даже во многих из тех обществ, где люди выпивают часто, а состояние опьянения пользуется большим почётом и к нему активно стремятся» [Heath 1975: 57]. Даже в случае США, где злоупотребление алкоголем вызывает огромное беспокойство, наиболее пессимистичная оценка выглядит так: проблемы, связанные со спиртным, затрагивают менее 10 % выпивающих.

Ряд контраргументов со стороны антропологов встречаются и гипотезы представителей других дисциплин, занимающихся исследованиями алкоголя. В частности, оспаривается распространённое мнение, что для отдельных рас свойственна особая уязвимость к негативным последствиям употребления спиртного в силу их биологической наследственности. Также ставится под сомнение тезис, что алкоголь приводит к аномии. Более адекватным для антропологов будет обратное представление: именно состояние аномии приводит к алкоголизму, в связи с чем антропологи готовы рассматривать теоретические проблемы, относящиеся к определению аномии. Антропологи не обнаруживают отчётливой связи между употреблением алкоголя и склонностью к агрессивному или преступному поведению. Кроме того, они оспари-

вают утверждение, что поведение под воздействием алкоголя представляет собой пример ослабления культурных ограничений при их столкновении с уравнивающим воздействием природы. Помимо этого обстоятельства, опьянение является неким выражением той или иной культуры, поскольку оно всегда предстаёт в виде чрезвычайно типовой, усвоенной манеры действий, которая варьируется в разных культурах – где-то опьянение ассоциируется с розовыми слонами, а где-то с зелёным змием. Общая тональность антропологического подхода предполагает, что гулянки представляют собой некую норму, и в большинстве культур алкоголь является их нормальным дополнением. Употребление алкоголя, по сути, представляет собой социальное действие, перформанс, исполняемый в опознаваемом социальном контексте. Если согласиться с точкой зрения, что основное внимание следует уделять злоупотреблению алкоголем, то антропологические исследования предполагают, что наиболее эффективным способом контроля над этим злоупотреблением является социализация. В идеале эта тема требует сравнительного подхода с участием антропологов и исследователей-медики, где задачей нашей дисциплины является систематический анализ количества правил, регулирующих употребление спиртного, и их распространённости. Такая программа сравнительного анализа должна включать сопоставление объёмов потребления алкоголя среднестатистическим индивидом с характерным для конкретного места набором

правил, касающихся того, где, когда, что и в какой компании нужно выпивать. Именно на анализе этих конфигураций правил должны быть основаны прогнозы относительно алкоголизма – очень сложная задача, требующая специальных компетенций.

Между тем дихотомия, которую предложил Дуайт Хит, незамедлительно рождает ряд затруднений. Что именно подразумевается под проблемами с выпивкой (*problem drinking*)? ⁹Насколько серьёзны должны быть проблемы с алкоголем, чтобы их увидела статистика? Что понимать под «алкоголизмом» или неприятностями, связанными с алкоголем (*alcohol-related troubles*)? Следует ли придерживаться «туземной» точки зрения на эти проблемы? Если руководствоваться именно таким подходом, то носители культур, где принято выпивать много, дадут более низкую оценку распространённости проблем с алкоголем, нежели медицинские социологи. Но здесь сразу же возникает вопрос о предвзятости последних. Насколько оценки пагубных последствий «дьявольского рома» ¹⁰ различаются в разных поколениях

⁹ Широко распространенный в англоязычной литературе термин *problem drinking*, согласно определению американского портала *Alcohol.org*, означает модель потребления алкоголя, которая приводит к негативным последствиям, таким как проблемы в отношениях или задержание за вождение в нетрезвом виде; аналогичным термином является «злоупотребление алкоголем» (*alcohol abuse*) – прим. пер.

¹⁰ «Дьявольский ром» (*demon rum*) – идиома, возникшая в английском языке в конце XVIII века на фоне массового распространения рома, который производился в американских «сахарных» колониях. Противодействие «дьявольскому

экспертов? Можно ли утверждать, что с точки зрения специалистов из винодельческих стран риски этих последствий выглядят менее существенно, чем в случае специалистов из тех территорий, где более распространены зерновые алкогольные напитки? Примечательная полемика, посвящённая этим вопросам, не так давно развернулась на страницах журнала *Current Anthropology*, позиционирующего себя как площадку для дискуссий, которой может позавидовать представитель любой другой дисциплины. Один из участников этой полемики, Робин Рум, научный руководитель Группы исследований алкоголя Института эпидемиологии и поведенческой медицины, исходя из собственных данных противопоставляет антропологический подход взглядам двух других групп наблюдателей (см. [Room 1984]). С одной стороны, констатирует Рум, высокопоставленные представители коренных народов Карибского бассейна или Папуа-Новой Гвинеи, как правило, разделяют обеспокоенность по поводу масштабов проблем с алкоголем с медиками и эпидемиологами¹¹. В особенности это касается тех частей планеты, которые переживают урбанизацию и стремительные социальные изменения. С другой стороны, продолжает Рум, антропологи

рому» было одним из лозунгов движения борьбы за трезвость в США в преддверии введения «сухого закона» в 1920 году – прим. пер.

¹¹ В данном случае имеется в виду алкогольная эпидемиология (*alcohol epidemiology*) – направление исследований, сложившееся в американской науке во второй половине XX века на стыке собственно эпидемиологии, психиатрии и социологии – прим. пер.

склонны преуменьшать масштаб проблемы. Таким образом, взяв за основу уже упомянутую статью Дуайта Хита 1975 года, Рум пришёл примерно к той же базовой оппозиции, только если Хит утверждал, что для антропологов характерна более уравновешенная позиция, то Рум отдаёт предпочтение позиции эпидемиологов. Все эти щекотливые вопросы, связанные с профессиональными предубеждениями, были проанализированы опытными антропологами, которые уже более десятилетия занимаются исследованиями проблем алкоголизма. В результате сложилось общее мнение, что в этой важной области исследований две группы специалистов не должны двигаться врознь. В дальнейшем социальные и культурные исследования употребления алкоголя следует дополнить медицинскими исследованиями. Именно эта мысль является ключевой для нашей книги.

Для обретения столь же системного подхода, каким руководствуются эпидемиологи, культурной антропологии потребуется разработать новые инструменты. Очевидно, что дискуссия на страницах *Current Anthropology* зашла в тупик в силу двух обстоятельств. Во-первых, изменение предвзятости наблюдателей из разных поколений исследователей приобретает значимость лишь по прошествии длительного времени, либо если сам предмет исследования меняется настолько быстро, что необходимо принимать во внимание новые системы координат. Всё это не имеет отношения к антропологическим исследованиям алкоголизма, подтвержде-

нием чему выступает вторая обзорная работа Дуайта Хита, представленная в этой книге (см. главу 2). Дополнив свой исходный обзор работами, появившимися с 1970 по 1980 годы, Хит обнаружил, что их авторы дают более изощрённые и тонкие ответы на стоящие перед ними вопросы, однако сами вопросы, безусловно, остаются неизменными. Что же касается профессиональной предвзятости, то эту тему следует отставить, поскольку она не поддаётся исследованию, и к тому же перед нами по-прежнему стоят другие требующие изучения вопросы, более поддающиеся оценке. Во-вторых, «туземные» установки по отношению к проблемам, связанным с алкоголем, являются одной из составляющих предмета исследования и не могут рассматриваться в качестве параметров для оценки масштаба проблем. Судя по всему, на данный момент у нас отсутствует какой-либо способ установить культурный уровень терпимости к алкоголю, на основании которого можно ставить вопросы, подспудно присутствующие в дискуссии, инициированной *Current Anthropology*. Перечислим эти вопросы. Позволяют ли культурные ограничения, задающие узкие рамки употребления алкоголя, большому числу людей поглощать больше спиртного с менее явными физическими последствиями? Является ли культурная подготовка, позволяющая употреблять алкоголь с большей лёгкостью, защитой от удара по печени? Скорее всего, нет. Является ли индивидуальное употребление алкоголя, выходящее за рамки культурных ограничений, более пагубным и

опасным, чем случаи, когда обильная выпивка представляет собой культурно предсказуемую и одобряемую вещь? Влияет ли отношение к опьянению, присутствующее в конкретной культуре, на перспективы избавления от алкогольной зависимости?

Стефен Куниц и Джерольд Леви, сравнивая привычки к употреблению алкоголя среди представителей навахо и хопи – двух индейских народностей юго-запада США, – формулируют следующую гипотезу. Тот факт, что у навахо показатели смертности от цирроза печени значительно ниже, чем у хопи, отражает осуждение последними употребления спиртного и отторжение зависимых от алкоголя лиц, тогда как у навахо чрезмерная выпивка, напротив, является ожидаемым поведением молодых людей, которых никогда принудительно не изолируют и не препятствуют их благополучному возвращению в индейское общество (см. [Kunitz and Levy 1971]). Авторы интересных исследований, посвящённых отношению к алкоголю у евреев, во многом так же пытаются объяснить диссонанс между трезвостью, которой традиционно придерживается этот народ, и сильной алкогольной зависимостью среди евреев, живущих в Нью-Йорке (см. [Snyder 1978], [Snyder 1982]). Можно ли объяснять алкоголизм американских евреев адаптацией еврейских иммигрантов к американским нормам? Нет, причина здесь не в приспособлении к какой-то иной культурной норме, а в дистанцировании от традиционной ортодоксии и участия в церемониях, ко-

которые всячески помогают евреям воспроизводить свою солидарность и заново утверждать моральный авторитет своей веры. Такое объяснение применимо не только к ньюйоркским евреям, но и к нью-йоркским ирландцам. Как отмечает Ричард Стайверс, католицизм, их религия, в отличие от иудаизма, совершенно не предполагает ритуальный контроль над персональным поведением. Католические священники как специализированная, а следовательно, обособленная группа проповедуют умеренность и избегают появления в питейных заведениях, где обычно собирается их паства. Иными словами, католическая церковь «в плане употребления алкоголя не является надёжной референтной группой» [Stivers 1976: 87]; её церемонии не предполагают употребления алкоголя в рамках ритуального действия. В свою очередь, авторы ряда важных исследований моделей употребления алкоголя в Латинской Америке, рассматривая те же вопросы в контексте границ религиозной власти, вводят в анализ такие компоненты, как влияние и статусные преимущества. Например, у мексиканцев до испанского завоевания распитие пульке представляло собой ритуал отождествления с коллективом ¹². У сегодняшних метисов употребление алкоголя является одним из аспектов борьбы за индивидуальное самоутверждение, причём распитие спиртного подкрепляется оскорблениями и пьяными драками. На-

¹² Пульке – традиционный напиток доколумбовой Центральной Америки из забродившего сока агавы, при перегонке которого получается текила – *прим. пер.*

против, в индейских сообществах «предписываемое обычаем пьянство никогда не порождало зависимость, социальные проблемы или комплекс вины» [Marshall 1979: 49].

Возможно, в этом значительном корпусе исследований социальных условий, влияющих на алкоголизм, делается чрезмерный акцент на представлении о том, что именно сообщество является способом решения проблем, связанных с алкоголем. Складывается впечатление, будто такие составляющие сообщества, как власть, ритуалы и солидарность, помогают поставить употребление алкоголя под контроль. Но бывает и так, что для сообщества характерна агрессивная конкурентная среда, и пьющий, следуя его обычаям, подвергает риску собственное здоровье. Очевидно, что для указанного подхода требуются точные методы сравнения структуры сообществ. Отдельные антропологи уже опробовали такие методы и не сомневаются в их ценности, однако культурный анализ (см. [Douglas 1970], [Douglas 1982] [Gross and Rayner 1984], [Mars 1982]) пока совершенно не применялся к исследованию проблем алкоголизма, хотя указанные методы для оценки относительной силы различных форм социального контроля были бы вполне применимы и в сравнительных исследованиях употребления алкоголя.

Отметим ещё два подхода к взаимосвязи культуры и алкоголя, которые преследуют совершенно разные этические и научные цели. Во-первых, это программа исследований социальности, к которой в середине 1950-х годов под воз-

действием идей Георга Зиммеля¹³ приступил Дэвид Рисмен на базе чикагского семинара, посвящённого играм и досугу. Совместная работа участников этих исследований явно оказалась чрезвычайно плодотворной – её итогом стали события 1968 года с их разочарованиями и достижениями (см. [Reisman 1960a], [Reisman 1960b], [Reisman 1964])¹⁴. Однако изучение вечеринок и неформальных социальных сетей постоянно наталкивалось на отсутствие теоретических работ, где сравнивались бы идеи, усвоенные посредством культуры. Исследователям из круга Рисмена требовались какие-то критерии или концепции уровней социальности, однако культурная антропология не смогла прийти им на помощь. Ещё одной поразительной особенностью этих работ, посвящённых вечеринкам и попойкам, было практически полное отсутствие упоминаний о самих напитках, кото-

¹³ Для понимания контекста необходимо отметить, что Георг Зиммель различал «социацию» (нем. *Vergesellschaftung*, в английских переводах его работ – *sociation*) как взаимодействие людей в целом и «социальность» как особую игровую форму социации, к примерам которой можно отнести гулянки, вечеринки и т. д. – прим. пер.

¹⁴ Американский социолог Дэвид Рисмен (1909–2002), занимавшийся исследованиями массовых коммуникаций в Чикагском университете, стал знаменитой фигурой после публикации в 1950 году (в соавторстве с Натаном Глейзером и Реуэлем Денни) книги «Одинокая толпа», влияние которой в левых кругах в дальнейшем сравнивалось с работой Герберта Маркузе «Одномерный человек». Однако сам Рисмен отнёсся к «всемирной революции» 1968 года весьма скептически – в предисловии к переизданию «Одинокой толпы», вышедшему в 1969 году, он призвал к «терпеливой работе в направлении постепенных перемен» вместо «попыток тотальных улучшений» – прим. пер.

рые там употреблялись. То же самое касалось и антропологов, занимавшихся этнографическими исследованиями употребления алкоголя. Здесь антропологи как будто заслуживают упреков со стороны медиков за неготовность распознавать патологию там, где она кажется очевидной, и за боязнь выносить этноцентрические суждения (см. [Fox 1978: 53]). Например, Джеймс Спрэдли утверждал, что его книга «Ты заслужил выпивку: этнография городских кочевников» была написана «ради того, чтобы добиться социальной справедливости для алкоголика из трущоб», констатируя в самом начале своей работы, что «американские города содрогаются от боли» [Spradley 1970: viii]. Однако эти этнографические исследования баров и трущоб (см. [Cavan 1966], [Dollard 1945], [Roebuck and Krese 1976], [Stone 1962]) не занимают какой-то внятной ниши, написаны они, мягко говоря, занудно, совершенно бесполезны для достижения справедливости и уж тем более не способствуют более внятному пониманию проблем алкоголизма.

Итак, анализ напитков является одним из существенных пробелов в изучении алкоголизма, хотя авторы этого сборника и не стремятся его ликвидировать – в наших силах лишь обозначить этот пробел и попробовать описать способы изготовления некоторых напитков и то, как этот процесс встраивается в экономику. К счастью, французские антропологи (см. [de Lestrang 1981], [Fournier 1983]) уже проявляют значительный интерес к процессам ферментации (броже-

ния), рассматривая их с точки зрения питательной ценности, биохимии и экономической организации. Указанный пробел в наших знаниях будет постепенно ликвидирован по мере появления новых работ, которые дополняют французские исследования, посвящённые пальмовому вину и кукурузному пиву.

Первоначально складывалось ощущение, что в этом сборнике статей антропологов будет уделено особое внимание взаимосвязи между физическими, эволюционными и социокультурными процессами. Значительное количество вопросов, связанных с употреблением алкоголя, возникают на стыке общества и биологии. Например, во многих цивилизациях женщинам обычно не полагается употреблять крепкие напитки. В этом, возможно, просматривается некая древняя максима о необходимости защищать уязвимый утробный плод – общее правило, применимое ко всем женщинам. Но что можно утверждать об источниках подобных правил, если следовать этой логике? Основаны ли такие правила непосредственно на гинекологии – или же они возникают из удачного схождения медицинских и социальных идей? Если женщинам по той или иной причине обычно возбраняется употребление алкоголя, то можно задаться вопросом о пользе для здоровья каких-то других напитков, которые в обществе, тщательно разделённом гендерными барьерами, будут считаться особенно подходящими для женщин. Если классификация имеет чисто социальные функции, то женщины,

которым хочется выпить или покурить, возможно, по определению вынуждены прибегать к очень нездоровым альтернативам. Например, вода нередко содержит вредные примеси, а чай и кофе не являются идеальными полезными напитками. Кроме того, женщин отнюдь не повсеместно ограждают от опасных для здоровья продуктов питания. Можно ли ожидать, что женщины станут беспрепятственно употреблять алкоголь лишь в случае разрушения социальных норм? «Джин, джин был погибелью для матери», – гласит припев одной старинной песенки¹⁵. Было бы заманчиво перейти от этих рассуждений непосредственно к теориям социальной патологии, допустив, что стабильное общество выработает все лучшие решения, тогда как падение нравов в результате индустриализации, вторжений или миграции приведёт к обжорству и пьянству. Обратиться к обзору антропологических исследований алкоголя, который выполнил Дуайт Хит, мне пришлось именно в поисках какой-либо работы о женском пьянстве или вообще любого текста, где был бы представлен всесторонний обзор питательных и токсичных аспектов употребления алкоголя в целом. Дальнейшее изучение существующих источников привело меня к следующему выводу: приступать к анализу взаимодействия биологии и культуры можно лишь после систематизации собственно на-

¹⁵ *Gin, gin was mother's ruin* – образец английского городского фольклора середины XVIII века, когда дешёвый джин стал одним из главных продуктов повседневного потребления в Лондоне; более подробно этот сюжет упоминается в главе 13 – прим. пер.

питков и выяснения их свойств. Основательно не изучались и культурные аспекты употребления алкоголя. Обнаружить обзорные исследования всех напитков, употребляемых в том или ином обществе, задача не из лёгких, не говоря уже об анализе взаимосвязей между ними. В связи с этим мне приходится просто обозначать отдельные сферы, где уже можно приступить к систематическим исследованиям.

Последователи феноменологии не устают напоминать о социальной сконструированности нашего мира. В случае с напитками это происходит как минимум тремя различными способами. Во-первых, напитки задают фактическую структуру социальной жизни столь же уверенно, как будто их названия являются ярлыками, которые навешиваются на ожидаемые формы поведения. Во-вторых, производство алкоголя – это важная разновидность экономической деятельности. В-третьих, церемонии употребления напитков создают некий идеальный мир. Чтобы сформулировать эти три функции, мне удалось положиться на описания отдельных экзотических напитков – как алкогольных, так и безалкогольных, – хотя я и не пыталась охватить все те замечательные жидкие субстанции, с которыми сталкиваются антропологи.

Напитки конструируют мир как он есть (часть вторая)

Джозеф Гасфилд рассматривает употребление напитков

как одну из форм ритуала (см. главу 3). Во многом следуя традиции символического интеракционизма, он рассматривает алкоголь и кофе как два противоположных ориентира: кофе сигнализирует о переходе от отдыха к работе, тогда как алкоголь – о переходе от работы к отдыху. Такую модель опознаёт любой американец, исходя из собственных привычек, связанных с употреблением различных напитков. Однако мы не вполне отдаём себе отчёт, что данная модель – относительно новая, зависящая от масштабных трансформаций в разделении труда. Для современной западной культуры характерно основополагающее различие между работой и досугом, причём это разделение сохраняется вне зависимости от социального класса, пола и рода занятий. Гасфилд указывает, что в доиндустриальной модели труда мужчины работали в полностью мужских коллективах – сегодня такие коллективы характерны, например, для строительной отрасли. Основной оппозицией для этой модели является работа / дом, причём работа ассоциируется с мужчинами, а дом – с женщинами. В данном случае употребление алкоголя, в особенности крепкого, неотделимо от работы, а следовательно, дома ему не место.

Кроме того, напитки выступают маркерами личной идентичности и границ включения и исключения. Джеральд Марс (см. главу 4) даёт краткое описание моделей употребления алкоголя у портовых рабочих Ньюфаундленда – в среде, где отлучение от кабака оказывается предельной негатив-

ной санкцией. В порту о мужчинах судят по тому, насколько они умеют пить и насколько щедро тратятся на выпивку. Быть своим человеком в бригаде докеров предельно важно: это подразумевает более регулярную работу, более высокий заработок, взаимопомощь и уютное местечко в кабаке. Восхождение в иерархии от постороннего до своего человека зависит не только от профессиональных навыков и преданности работе, но и от выполнения роли собутыльника. Однако эти теплота и дружелюбие при включении в круг своих людей имеют мрачную обратную сторону. Чужаки тоже выпивают, но их не пускают в кабак: бутылку вина или дешёвого рома, так называемого *скрича* ¹⁶, которую они носят с собой, им приходится распивать на автомобильной парковке, подзывая товарищей кивком или подмигиванием. В своей статье Марс впечатляюще демонстрирует, как все эти границы между своими и чужими дают рабочим возможность смело торговаться с прорабами, выступать против эксплуатации и брать на себя другие риски на работе. Именно потому, что в таком антураже алкоголь открывает доступ к всевозможным благам, чужак вполне может начать пить в компенсаторном порядке, чтобы обладать тем, чего у него нет – хотя бы символически. Здесь обнаруживается одно из направлений исследования социальных функций алкоголя: чем больше ал-

¹⁶ Пояснения, относящиеся к названиям и свойствам отдельных напитков, в основном приводятся в соответствующих статьях в виде комментариев авторов или переводчика – *прим. пер.*

коголь используется как маркер избирательности и ограниченного доступа, тем больше вероятность, что злоупотребление спиртным будет обнаруживаться среди тех, кто был подвергнут исключению. Опять же, это предполагает, что значительную часть своей работы антропологи проводят среди людей, чьё поведение, связанное с употреблением алкоголя, в целом соответствует инклюзивной модели. Этот момент сам по себе может объяснить одну из находок антропологов: алкоголизм встречается реже за пределами западного индустриального общества, где избирательное гостеприимство (см. [Douglas 1984]) способствует конкурентному индивидуализму.

Исключение принимает множество форм, в том числе совершенно неувимых. Например, умение разбираться в сортах вин само по себе является полем для конкуренции, поэтому необходимо учитывать потенциал исключения, который в европейском обществе воплощают стройные ряды вин – винтажных и менее престижных... Натренированные дегустаторские навыки – способность распознать и назвать сорт, год урожая и даже конкретный виноградник для отдельных вин – удивительны сами по себе. Отменному дегустатору явно требуется поддерживать вкусовые рецепторы в форме, регулярно практикуя свои особые навыки, подобно скрипачу, – совершенно иной случай, чем, например, хорошее владение языком, позволяющее улавливать его нюансы в любой момент. Именно такие качества демонстрирует лорд

Питер Уимзи в одном из романов Дороти Сэйерс, когда выигрывает пари у своего друга Фредди Арбатнота в Клубе эгоистов, назвав «вслепую» года урожая семнадцати вин. В этот момент Уимзи явно находится в отменной форме, а когда два самозванца выдают себя за него, пытаются купить военные секреты, граф де Рёй разоблачает их в винном конкурсе, в котором настоящий лорд Питер легко бы одержал победу: «Даже самому блестящему фальсификатору вряд удастся воспроизвести умение разбираться в винах» [Sayers 1972]. Таким образом, этот навык позволяет идентифицировать не только вино, но и конкретного человека, а невежество может привести вас в руки манипуляторов. Кроме того, знатоку вин принадлежит особая социальная власть. Кто позволит официанту в отеле взять верх над собой? – но в то же время для того, чтобы официант не навязал вам унижительную зависимость от собственных предпочтений, требуется немалое мастерство (см. [Mars and Nicod 1984]). В текстах, собранных в этой книге, употребление напитков рассматривается как средство конструирования реального мира. Напитки пребывают в реальности непосредственно, а не являются высказыванием о ней, или экраном, на который проецируются реальные отношения, или глубинной структурной моделью этих отношений. Напитки столь же реальны, как кирпич и раствор для строительства. Они суть примеры вещей, из которых состоит мир, они включаются в совокупности других реальных предметов вместе с отрезками времени, списками

имён и календарными связями. Прodeгуcтиpовать напиток – значит вкуcить нечто пpоисходящее в рамках целой категории социальной жизни (см. [Goodman 1978]). Нам необходимо продемонстрировать, что категоризации, возникающие в ходе любой посиделки в баре или во время семейных праздников, представляют собой часть социального порядка.

Разумеется, антропологи не допускают, что эти утончённые сигналы и конструирование реальности невозможны среди людей совсем небогатых. Этот момент предельно ясен из статьи Анны Калабреззи, посвящённой изготовлению и употреблению вина тосканскими крестьянами (см. главу 7). Трудности повседневной жизни этих людей преобразуются лирическим спокойствием и идиллическим порядком, где виноград встраивается в ряд плодов – предметов роскоши в крестьянском хозяйстве, противопоставленных овощам и злакам, – а качеством вина гордятся и употребляют его без излишеств. Обычному столовому вину, которое разбавляют водой и запивают им еду, противостоит *винсанто* – «священное вино», которое открывается по особым случаям и освящается во время мессы. Описания изготовления столь почтенного напитка, как вино, встречаются редко, поэтому многие читатели с удивлением узнают, что после ферментации виноградного сока заключительный процесс проходит чрезвычайно быстро, а составляющие его действия крайне просты.

Ндоламб Нгоквей на примере лишь одного алкогольного

напитка – пальмового вина – демонстрирует, как люди из африканского народа *леле* различают множество его видов и распределяют их по различным социальным категориям, в результате чего вокруг этого напитка формируется чувство общности (см. главу 6). Впрочем, антропологам не пристало идеализировать сообщество или предполагать, что оно всегда препятствует индивидуальной конкуренции – ведь отчасти именно сообщество выступает проводником соперничества. Фарнхам Рефиш на примере соревнований по угощению пивом у народа мамбила (Нигерия) демонстрирует агонистическую функцию употребления алкоголя в формировании партнёрских отношений и завоевании личной репутации (см. главу 8). Изучение коллективных способов употребления различных напитков позволяет обнаружить тонкие механизмы переопределения ролей. Работа Мэри Анны Торнтон (см. главу 5) представляет собой редкое описание всего спектра напитков, употребляемых в отдельно взятом сообществе, демонстрирующее полный спектр социальных отношений. Оказывается, что в австрийской деревне, которую описывает Торнтон, происходит поляризация социальных событий: на одном полюсе находятся мероприятия, в той или иной мере демонстрирующие близость между людьми, на другом – празднования той или иной степени официальности. Каждому типу события соответствует определённый класс напитков. Это проницательное наблюдение позволяет исследовательнице убедительно перейти от этно-

графического «каталога» на более высокий уровень абстракции.

Здесь следует задаться вопросом: каким образом антрополог может провести систематическое сравнение культурных установок, чтобы поставить их в один ряд с теми сведениями, которые мы получаем от биологов и медиков? Ответ на этот вопрос предполагает, что нам необходимо противостоять искушению всё глубже погружаться в поиск данных, свободных от предвзятости. Успех зависит от наличия поддающейся исследованию проблемы из области сравнения культур, от нахождения подходящих абстрактных категорий и количественных методов для их выражения. Упомянутые выше привычки в употреблении алкоголя в той или иной степени связаны с социальными соображениями. В австрийской деревне совместное распитие *зекта* (игристого вина) не гарантирует какой-либо взаимной поддержки – в отличие от совместного распития *инанса*. В тосканском крестьянском доме «священное вино» ставят на стол только по совершенно особым случаям. Комфортно выпить пива в тёплом кабаке на пристани и неистово глотать дешёвый ром на автостоянке – впечатляющий и трагический контраст для портовых рабочих. Вероятно, это хороший повод приступить к изучению темы включения и исключения во всё её многообразии при помощи теоретического подхода на базе календарной информации, который разработали Джонатан Гросс и его коллеги применительно к пищевым привычкам (см.

[Gross, 1984]).

Если в какой-либо культуре существует лишь один напиток, символизирующий дружбу, или два напитка, символизирующие, соответственно, принадлежность к группе и статус чужака, то на границы круга собутыльников, вероятно, ложится тяжкое бремя беспокойства. В таких культурах вполне предсказуемо возникновение алкогольной зависимости, усугубляющей отчаяние того, кто уже оказался чужаком и вот-вот будет исключён из круга собутыльников. Упомянутый австрийский случай относительно прост – в нём присутствуют лишь два основных вида напитков. При наличии большого ассортимента напитков, каждый из которых несёт часть знания об обществе и помогает артикулировать разнообразный социальный универсум, можно прогнозировать нетерпимое отношение к опьянению. Ведь если при помощи напитков кодируется большой объём информации, то физический и психический контроль, необходимый для отправки и декодирования сообщений, обретает особую ценность. Таким образом, можно ожидать, что чем больше в правилах употребления алкоголя содержится дискриминационной социальной информации, тем менее общество терпимо к чрезмерному употреблению алкоголя, а следовательно, тем больше для этого общества характерны взаимный надзор и эффективный контроль. В исследовательских целях можно провести подсчет общего объёма информации, содержащейся в полном спектре доступных напитков, и со-

отнести его с ожиданиями относительно поведения людей. Различные приложения теории информации можно использовать для получения объективного фона культурного поведения, что поможет исследователям из области медицины оценивать социальные факторы, способствующие возникновению алкоголизма.

Напитки конструируют идеальный мир (часть третья)

Статьи для этого сборника подбирались не для того, чтобы проиллюстрировать ложные конструкции реальности. Однако наша тема останется нераскрытой, если мы ограничимся лишь яркими примерами того, как напитки формируют наш реальный мир, выступая поводом для особого типа сборищ и служа яркими материальными маркерами определённых событий. Помимо этого, напитки выполняют ещё одну задачу ритуала: они создают познаваемую и приемлемую для нас реальность, которая гораздо больше совпадает с идеальным миром, чем мучительный и несущий постоянную угрозу хаос. Этот аспект рассматривается в качестве отдельной ритуальной конструкции в четырёх работах.

Пол Анце в статье о движении Анонимных Алкоголиков (см. главу 9) рассматривает давние взаимоотношения между религией и алкоголем, демонстрируя, как эта уважаемая организация выступает в качестве религиозного культа, сле-

дую ритуалам обращения и инкорпорации, описанным антропологами применительно к другим обществам.

Сдержанный стиль статьи Элизабет Ботт (см. **главу 10**), посвящённой иерархии рангов, влияния и власти в островном королевстве Тонга, сам по себе напоминает ненавязчивую, но методичную подготовку к местной церемонии *кавы*¹⁷. Вслед за изложением двух мифов о её происхождении Ботт переходит к анализу самой церемонии, обнаруживая в ней зависть, братоубийственную ненависть и невыразимое желание убивать при помощи яда. В тонганских мифах рассказывается о гибели и воскрешении брата и сына: наполненные страстями сюжеты о вражде и соперничестве излагаются в церемониальной абстрагированной форме, причём движущей силой этих сюжетов выступают измельчение корня кавы и его смешивание с водой, после чего все присутствующие получают порцию успокаивающего напитка. Эта церемония позволяет тонганцам справляться со своими эмоциями и укреплять осознание принадлежности к более масштабному обществу. Страсти, о которых нам сообщается, нельзя считать причудливыми фантазиями экзотического народа: Ботт, будучи не только антропологом, но и психоаналитиком, опознаёт в тонганских церемониях наши

¹⁷ Кава (не путать с одноимённой каталонской разновидностью игристого вина) – распространённый в Океании напиток с тонизирующим действием, приготавливаемый из корней одноименного растения семейства перечных. Употребление кавы было прерогативой мужчин из высших социальных слоёв; считалось, что этот напиток позволяет вступить в общение с духами предков – *прим. пер.*

сновидения. Тонганская конструкция реальности, где жертв можно вернуть к жизни, а соперники могут терпеть присутствие друг друга, представляет собой один из вариантов той социабельности, которую пытались обнаружить исследователи из круга Дэвида Рисмена.

Примерно те же способы сотворения мифа и церемонии, которые создают заслон от мрачных реалий, описывает Хазан, чья статья посвящена посетителям центра помощи престарелым в лондонском ИстЭнде (см. главу 11). Эти люди, которые каждый день собираются вместе, чтобы бесплатно пообедать, попить чаю, пообщаться, развлечься и получить консультации по вопросам социального обеспечения, прекрасно понимают, что оказались в полной нищете. В одной из своих предыдущих работ (см. [Hazan 1980]) Хазан продемонстрировал, что адаптация этих оказавшихся на обочине жизни бедняков к своему плачевному положению предполагает отрицание прошлого. Полностью погружаясь в жизнь центра для престарелых, они превращают его эгалитарную взаимопомощь в свою единственную реальность. Коллективное конструирование настоящего отрицает внешний мир, в котором эти люди не нужны своим семьям, а их тела дряхлеют. В средоточии этого процесса конструирования находится заваривание чая, который затем делится вместе с сахаром и печеньем строго поровну между присутствующими. Чаепитие оказывается фокусом драматических конфронтаций. Чтобы соответствовать принятым ими цен-

ностям, старикам приходится делать объектами исключения друг друга. Они объединяются для защиты своего хрупкого мира, состоящего из коротких повторяющихся циклов, от враждебного хода времени во внешней среде. Строгий порядок и спокойствие их чаепитий противопоставляются неприятной и вызывающей недовольство суете обеда, организуемого сотрудниками центра для престарелых. Обед выступает в качестве знака, указывающего на неумолимое движение в направлении распада и изменений, в направлении того мира, который старики стараются не допустить в свою жизнь. Устраивая чаепитие, они сговариваются остановить время. Такие искусственные, но при этом неосознаваемые уловки сознания трудно поддаются этнографическому описанию, причём для того, чтобы эти уловки оказались успешными, они должны быть скрыты даже для тех, кто к ним прибегает. Зато всякому писателю, владеющему приёмами своего ремесла, известно, что именно так передаётся структура времени, места и личности в художественном тексте. Статья Лизы Гурр (см. **главу 10**) посвящена изображению в произведениях Жоржа Сименона различий между напитками в том своеобразном и многогранном мире, который можно назвать Парижем комиссара Мегрэ. Для того чтобы этот мир порождал непрерывную череду сименоновских сюжетов на протяжении трёх десятилетий, в Париже Мегрэ должно присутствовать нечто бросающее вызов времени. Этой главе принадлежит важное место во всей книге, поскольку Ли-

за Гурр делает акцент на различении идеальных и вымышленных типов. Деконструкция идеального мира при помощи церемонии кавы или чаепития не является обманом или вымыслом, в отличие от идеального Парижа у Сименона. Разница между этими идеальными мирами, определяемыми кавой и чаем, и воображаемыми мирами художественного вымысла, очевидна. Миры церемонии кавы и чаепитий мы называем идеальными, в отличие от тех миров, где распитие *скрича* на улице оказывается неприятной альтернативой кружке пива в баре, а *зект* выступает официальной альтернативой весёлым тостам при распитии *инанса*. Однако определение «идеальный» не связано с тем, что соответствующие миры представляют собой нечто ложное – это не ложная, а хрупкая реальность, которая способна продержаться лишь недолго и легко рушится. Эти миры не столь устойчивы, как миры, основанные на стабильном распределении власти, и хотя бы это обстоятельство оказывается достаточной причиной посвятить им отдельный раздел книги.

Алкоголь укрепляет альтернативную экономику (часть четвёртая)

В последнем разделе книги представлено теоретическое рассмотрение места алкоголя в трёх типах политической экономики. Производство и сбыт алкоголя как особая сфера экономической деятельности особенно благоприятству-

ет монополизации. Продукт отличается единообразием, для его производства характерна значительная экономия за счёт масштаба, издержки хранения низки, а спрос высок. В случае Польши раннего Нового времени, который описывает Гиллель Левин (см. главу 14), спрос на алкоголь использовался в качестве средства экономического контроля, позволявшего поддерживать богатый, но уязвимый помещный сектор экономики за счёт его изоляции от модернизационных процессов. Этот сюжет можно сравнить с ролью алкоголя в развитии альтернативной экономики горной части мексиканского штата Чьяпас, где выпивка выступает чуть ли не в качестве альтернативной валюты. Роль алкоголя в истории этого региона описана в статье Томаса Крампа (см. главу 13), демонстрирующего, как чёрный рынок рома позволил успешно мобилизовать ресурсы, которые в противном случае оказались бы невостребованными. Бизнес грузоперевозок, наличие определённого свободного капитала для инвестиций и поставки нелегально произведённого рома по доступным для местного населения ценам (за счёт уклонения от налогов) – сочетание этих элементов привело к появлению новых центров власти, действующих на фоне институтов, которые исключают индейцев из процессов экономического развития.

В рамках системы консолидированного аграрного феодализма, сложившейся в Польше XVII–XVIII веках, в зазоре между крестьянами и землевладельцами оказались евреи.

Именно еврейским предпринимателям выдавали разрешения на производство и реализацию алкоголя дворяне, установившие монополию в этой сфере. В XVI веке основным источником прибыли польской экономики был экспорт зерна в Западную Европу, переживавшую процессы урбанизации, однако в следующем столетии уроки коммерческой организации были усвоены там настолько хорошо, что польскому сельскому хозяйству пришлось не только справляться с колебаниями цен, но и конкурировать с более эффективными западноевропейскими аграрными предприятиями и системами снабжения продовольствием. В XVII–XVIII веках происходила концентрация земельных владений магнатов, при этом условия торговли складывались так, что мелкая шляхта проигрывала высшей аристократии, а крестьяне в ещё большей степени уступали мелкой шляхте. «Второе издание крепостного права» в Польше было более принудительным и унижительным явлением, чем где-либо ещё в Европе. В этот момент землевладельцы, и так недовольные низкой производительностью труда своих крестьян, обеспечили им более лёгкий доступ к спиртному. Отчасти это могло быть связано с тем, что «пьяных крестьян легче заставить подчиниться», но более важный момент заключался в другом: дворяне были заинтересованы в недопущении монетизации экономики – их не устраивал рынок труда, основанный на рентных платежах и заработных платах, а не на феодальных повинностях. В качестве идеала рассматрива-

лась автохтонная производственная единица, где с внешним миром взаимодействовал только землевладелец, а производство алкоголя в его имении выступало механизмом, сдерживающим отток свободных денег. Если крестьянам удавалось накопить немного денег, то в пределах поместной экономики для них требовалось обеспечить такие способы расходования средств, когда они возвращались бы землевладельцу. В некоторых имениях магнатов крепостные, по сути, были обязаны покупать условленное минимальное количество алкоголя в рамках своих феодальных обязательств. Эта попытка создать замкнутую денежную систему открыла нишу для специфической разновидности коммерции, появлению которой в ином случае создавались бы последовательные препятствия. Именно здесь в процесс включились еврейские общины. Евреи совершенно верно предвидели, что если они возьмутся за концессии по организации монополии на производство и продажу алкоголя, то навлекут на себя недовольство крестьян и станут мишенью для их гнева. История алкоголя в Польше демонстрирует первые эпизоды трагедии антисемитизма, которая разворачивалась в этой стране.

Сегодняшний интерес исследователей к альтернативной, или теневой, экономике следует всё больше смещать в сторону антропологии употребления алкоголя. В работах, представленных в этой книге, вносятся коррективы в представления социологов и медиков, уделяющих слишком большое внимание личностной деградации отдельно взятых ал-

коголиков. Антропологам не свойственно легкомысленное невнимание к этой проблеме, однако напоследок, завершая книгу на оптимистичной ноте, которую задают обзорные статьи Дуайта Хита, мы рассмотрим, как вино наполняет энергией альтернативную экономику, процветающую в Советской Грузии. Как отмечают в своей статье Джеральд Марс и Йоханан Альтман (см. **главу 15**), советская власть не одобряет грузинские традиции гостеприимства, усматривая в них невероятное расточительство, но ничего не может поделать с той моделью употребления алкоголя, на которой основаны сети индивидуальных взаимодействий и которая смягчает жёсткую бюрократическую экономику, создавая при этом чрезвычайно востребованные каналы для потока ресурсов в реальной альтернативной экономике.

Благодарности

Идея этой книги выросла из шести дискуссий по проблемам продуктов питания, состоявшихся на Десятом конгрессе Международного союза антропологических и этнологических наук в Дели в 1978 году. Это был первый конгресс, в ходе которого созданная незадолго до этого Международная комиссия по антропологии продовольствия (МКАП), которую основал и возглавил Равиндра Кхаре, организовала дискуссии по данной теме и связанным с ними проблемам. Хотя отдельной дискуссии по напиткам не проводилось, им было

посвящено несколько докладов. Использовать эти выступления в качестве основы для сборника, привлечь дополнительных авторов и организовать остальные редакционные процессы – всё это потребовало значительного времени, в связи с чем я благодарю первых участников нашего проекта за терпение. Кроме того, я признательна доктору Лите Осмундсен, которая в качестве директора Фонда Веннера Грена всегда оказывала великодушную поддержку МКАП. Также выражаю глубокую благодарность доктору Арджуну Аппадурай, который стоял у истоков работы над этой книгой, и Эндрю Лесли и Хелен Макфол, оказавшим проекту неоценимую помощь.

Литература

Cavan 1966 – Cavan, Sherri. *Liquor License: An Ethnography of Bar Behavior*. Aldine Publishing Co., Chicago, 1966.

Conn and Krese 1976 – Conn. Roebuck, J. B., and Krese, W. *Teh Rendezvous: A Case Study of an Afet r Hours Club*, Free Press, N.Y., 1976.

de Lestrangle 1981 – de Lestrangle, Marie-Teh rese, «*La consommation de 'biere de mil' a eyolo, village Bassari du Senegal oriental*», in *Objets et Mondes* 21 (1981), no. 13, pp. 107–114.

Dollard 1945 – Dollard, John, «*Drinking mores of the social classes*», in *Alcohol, Science and Society, Quarterly Journal of Studies on Alcohol*, New Haven, 1945.

Douglas 1970 – Douglas, Mary. *Natural Symbols: Explorations in Cosmology*. Barrie & Rockliffe, 1970.

Douglas 1982 – Douglas, Mary. *In the Active Voice*. Routledge Kegan & Paul, 1982.

Douglas 1984 – Douglas, Mary, ed. *Food in the Social Order: Studies of Food and Festivities in Three American Communities*, Russell Sage Foundation, Basic Books, N.Y., 1984.

Fournier 1983 – Fournier, Dominique, «*Le pulque et le sacrifice humain Chez les Azteques*», *L'Imaginaire du Vin*, ed. Jeanne Lafti te, Marseille, 1983.

Fox 1978 – Fox, Richard, «*Ethnicity and alcohol use*», by A. S. Brown, in *Medical Anthropology* 2 (1978), no. 4.

Goodman 1978 – Goodman, Nelson, «*When is art: samples*», ch. 4 in *Ways of Worldmaking*, Hackett Publishing Co., Indianapolis, 1978.

Gross and Rayner 1984 – R.K.P. Gross, J., and Rayner, S. *Measuring Culture*. Columbia University Press, 1984.

Gusfield 1963 – Gusfield, Joseph. *Symbolic Crusade: Status, Politics and the American Temperance Movement*. University of Illinois Press, Urbana, IL., 1963.

Gusfield 1981 – Gusfield, Joseph, *The Culture of Public Problems: Drinking, Driving and the Symbolic Order*. University of Chicago Press, Chicago, 1981.

Gross 1984 – Gross, Jonathan, «*Measurement of calendrical information in foodtaking behavior*», in Douglas, Mary, ed. *Food in the Social Order: Studies of Food and Festivities in Three*

American Communities, Russell Sage Foundation, Basic Books, N.Y., 1984.

Hazan 1980 – Hazan, Haim. *Teh Limbo People: A Study of the Constitution of the Time Universe Among the Aged*, Routledge & Kegan Paul Ltd., London, 1980.

Heath 1975 – Heath, Dwight. «A critical review of ethnographic studies of alcohol use», in R. Gibbons, Y. Israel, H. Kalant, R. Popham, W. Schmidt, and R. Smart (eds.). *Research Advances in Alcohol and Drug Problems*, vol. 2, John Wiley & Sons, N.Y., 1975.

Kunitz and Levy 1971 – Kunitz, S.J. and Levy, J.E., «*Teh epidemiology of alcoholic cirrhosis in two southwestern Indian tribes*», in *Quarterly Journal of Studies on Alcohol* 32, no. 3: 706–720, Sept. 1971.

Mars 1982 – Mars, Gerald. *Cheats at Work*, Allen & Unwin, 1982.

Mars and Nicod 1984 – Mars, Gerald and Nicod, Michael. *Teh World of Waiters*. George Allen and Unwin, London, 1984.

Marshall 1979 – Mac Marshall, ed. *Beliefs, Behaviors and Alcoholic Beverages: A Cross-Cultural Survey*, University of Michigan Press, Ann Arbor, Michigan, 1979.

Reisman 1960a – Reisman, David. «*Teh vanishing host*», *Human Organisation* 19, no. 1, Spring 1960: 17–27.

Reisman 1960b – Reisman, David. «*Sociability, permissiveness, and equality*», in *Psychiatry* 23 (1960), no. 4: 323–340.

Reisman 1964 – Reisman, David. «*Teh sociability project: a chronicle of frustration and achievement*», in *Sociologists at Work*, Phillip Hammond, ed., Basic Books, N.Y., 1964.

Room 1984 – Room, Robin. «*Alcohol and ethnography: a case of problem defal tion?*» in *Current Anthropology* 25, no. 2, April, 1984: 169–191.

Sayers 1972 – Sayers, Dorothy, *Lord Peter, A Collection of All the Lord Peter Wimsey Stories*, Harper and Row, N.Y., 1972.

Snyder 1978 – Snyder, Charles. *Alcoholism and the Jews*. Acturus Paperbacks, S. Illinois University Press, Carbondale, IL, 1978.

Snyder 1982 – Snyder, Charles, «*Alcoholism among Jews in Anthropological perspective Israel: a pilot study*», in *Quarterly Journal of Studies on Alcohol* 43, no. 7: 623–654, July 1982.

Spradley 1970 – Spradley, James, *You Owe Yourself a Drunk: An Ethnography of Urban Nomads*, Little, Brown & Co., N.Y., 1970.

Stivers 1976 – Stivers, Richard. *A Hair of the Dog: Irish Drinking and American Stereotypes*. Pennsylvania State University Press, University Park, 1976.

Stone 1962 – Stone, Gregory, «*Drinking styles and status arrangements*», in *Society, Culture and Drinking Patterns*, J. Pittman and C. Snyder, eds., Wiley, N.Y., 1962, pp. 121–145.

II

Дуайт Хит

Развитие антропологических исследований употребления алкоголя в 1970-х годах

Дуайт Хит (1930–2017) – профессор антропологии и директор Программы по подготовке исследователей алкоголя в области социальных наук в Университете Брауна (штат Род-Айленд).

Интерес Хита к употреблению алкоголя в племенных и крестьянских сообществах в разных частях света возник в ходе его этнографических и этноисторических исследований, связанных с рядом других тем. Результатами этих наблюдений и исследований стали несколько книг, посвящённых алкоголю, и деятельность в качестве консультанта в международных организациях и государственных структурах. Алкоголю посвящены следующие книги Хита: «Кросс-культурные подходы к исследованию алкоголя» (соавторы – М. У. Эверетт и Дж. О. Уодделл), «Употребление алкоголя и мировые культуры» (соавтор — А. М. Купер) и «Культурные факторы в исследованиях алкоголя и в борьбе с проблемами алкоголизма» (соавторы – Дж. О.

За последние годы в исследованиях представлений и поведения, связанных с алкогольными напитками – в особенности в антропологических подходах к этой теме, – состоялся впечатляющий прогресс. Даже специалисты из так называемых точных наук констатируют, что в попытках понять взаимодействие между алкоголем и поведением человека должны учитываться, наряду с физиологическими и психологическими факторами, факторы социальные и культурные. Это признание связано с тем, что, как метко выразился Мэк Маршалл, «кросс-культурное изучение алкоголя представляет собой классический естественный эксперимент: один биологический вид (*Homo sapiens*), одно расширяющее сознание вещество (этанол) и огромное разнообразие поведенческих результатов» [Marshall 1979a: 1]. Однако до середины XX века, к сожалению, лишь немногие исследователи систематически обращались к антропологическому анализу алкоголя, хотя количество таких работ за прошедшее время с поразительной регулярностью удваивалось каждые пять лет (см. [Heath 1976a: 52–56]).

Введение

Такая ситуация является подходящим контекстом для краткого обзора последних тенденций в антропологических

исследованиях употребления алкоголя, а также ряда теоретических и практических выводов из этой работы ¹⁸. Ниже будет представлена панорама исследований, опубликованных с 1970 по 1980 годы, и наибольшую ценность этот обзор обретает в качестве дополнения к моей предшествующей работе, посвящённой данной теме (см. [Heath 1975]). Чтобы коллеги могли удобно пользоваться текстом в качестве каталога источников, я сохранил аналогичную структуру обзора, однако старался не допускать большого количества повторов, поэтому предшествующая статья оказывается важным введением в ключевые понятия и теории. Но на сей раз моя работа не претендует на всестороннее освещение соответствующих источников. Неопубликованные и неоконченные статьи и доклады не упоминаются; в случаях, если какой-то темой занимались несколько авторов, я привожу лишь отдельные наиболее содержательные работы по ней; исследования одних и тех же авторов, посвященные одной и той же теме, также указываются выборочно.

¹⁸ Исходно эта статья была представлена к публикации ещё в июле 1981 года. За прошедшее с того момента время в антропологических исследованиях употребления алкоголя состоялись важные изменения, однако по просьбе Мэри Дуглас я внёс в текст лишь незначительные стилистические коррективы вместо увеличения его объёма. Несколько переработанная версия этого текста с разрешения редакторов и издателей настоящего сборника была опубликована в виде статьи: Dwight Heath. «*Drinking and Drunkenness in Transcultural Perspective: An Overview*», in *Transcultural Psychiatric Research Review*, vol. 23, no. 1 (1986), pp. 7–42; vol. 23, no. 2 (1986), pp. 103–126.

Антропологическая перспектива

Я намеренно задаю этому обзору широкие рамки, отражающие масштабный спектр методологических подходов и актуальных проблем, которые в современной американской науке относятся к такой академической сфере, как антропология. В поле моего внимания входят не только *этнография* и *социокультурная антропология*, но и *археология*, *физическая антропология*, *лингвистика* и *исследования фольклора*. Кроме того, я буду обращаться к отдельным неантропологическим категориям, имеющим особое содержательное или концептуальное значение для других представителей широкого междисциплинарного сообщества авторов, занимающихся *исследованиями алкоголя*.

Начиная с 1970 года эта сфера впечатляюще разрослась. В рамках подготовки к IX Международному конгрессу антропологических и этнологических наук (1973) я по предложению Сола Тэкса¹⁹ занимался организацией конференции по антропологическому исследованию алкоголя, получившей финансовую поддержку Национального института проблем злоупотребления алкоголем и алкоголизма и административную поддержку Центра изучения человека Смит-

¹⁹ Сол Тэкс (1907–1995) – один из ведущих американских антропологов 1960–70-х годов, основатель влиятельного академического журнала *Current Anthropology* («Антропология сегодня») – *прим. пер.*

соновского института. Когда я тяжело заболел, помощь в этой работе мне оказали Джек Уодделл и Майк Эверетт, которые стали соорганизаторами и сопредседателями конференции, а также принимали участие в последующем редактировании ее материалов. В конференции приняли участие представители нескольких дисциплин из многих стран, и наша цель – оценить междисциплинарный вклад в кросскультурное изучение поведенческих и физиологических аспектов употребления алкоголя – была достигнута. Однако издатель серии *World Anthropology*, к сожалению, не предпринял должных мер по включению в неё наших исследований, поэтому тексты докладов, прочитанных и отредактированных в 1973 году, были опубликованы лишь три года спустя. Тем не менее наша книга «Кросс-культурные подходы к исследованию алкоголя: междисциплинарная перспектива» [Everett, Waddell, and Heath 1976] стала своего рода вехой как в плане подведения итогов, так и в части предложения новых направлений исследований.

В этой книге я представил обзор долгосрочных тенденций антропологических исследований алкоголя в хронологическом порядке (см. [Heath 1976a]). В ещё одной моей работе, написанной позже, но парадоксальным образом опубликованной раньше упомянутой книги, я даю более тщательную оценку тех же самых обширных, разнообразных и разрозненных исследований, объединяя почерпнутые из разных культур примеры вариаций во взаимосвязях между употреб-

лением алкоголя и другими аспектами культуры, с одной стороны, и актуальные для этой темы концепции и теории, с другой (см. [Heath 1975]). В обеих этих обзорных работах отмечалось, что неравномерное качество этнографических исследований употребления алкоголя отчасти объясняется тем, что никто из их авторов не проводил полевой работы с целью сосредоточить внимание именно на указанной теме. Иными словами, не только анализ и интерпретация данных проводились постфактум, но и сами данные обычно собирались случайно, в качестве непредвиденно удачных побочных продуктов полевых исследований, посвящённых другим темам. Сейчас ситуация изменилась, однако ещё многое предстоит сделать для повышения количества и качества подробных полевых материалов.

Антропологические подходы получили широкое признание среди представителей многих других дисциплин. Возможно, этот момент наиболее ярко проявился в новаторском исследовании Дональда Хортона «Функции алкоголя в первобытных обществах» (см. [Horton 1943]), которое по-прежнему является одним из наиболее цитируемых источников по главному для нас вопросу: почему люди пьют для того, чтобы опьянеть? Как следствие, границы между антропологией и социологией оказались размыты, причём до такой степени, что у специалистов по исследованиям алкоголя обращение к соответствующим социокультурным факторам, вероятно, чаще ассоциируется с исследованиями социологов, а

не антропологов (см., например, работы [Bales 1946], [Snyder 1958], [McCarthy 1959], [Pittman 1967]).

Однако в середине 1970-х годов тот особый вклад, который способны внести в исследования алкоголя антропологи, наконец получил признание. Одним из очевидных, но в то же время ценных свидетельств этого стало включение в пятитомное энциклопедическое издание «Биология алкоголизма» трех текстов: работы Джоан Эйблон [Ablon 1976a] о семейной структуре и поведении, главы Маргарет Бэкон о племенных обществах [Bacon 1975a] и написанной мною главы об антропологических перспективах исследований алкоголизма [Heath 1976b]. Важным вкладом в это признание потенциала антропологии, вероятно, стала книга Уильяма Мэдсена «Американский алкоголик» [Madsen 1974]. В этой работе, более известной среди медиков, чем среди моих коллег-антропологов, амбициозный междисциплинарный обзор полемики о роли природы и воспитания в возникновении алкоголизма дополняется подробным исследованием движения Анонимных Алкоголиков. Мэдсен обращается к вопросу о том, как и почему оказалось, что эта группа самопомощи выглядит по меньшей мере столь же «успешной» в уменьшении проблем, связанных с алкоголем, что и медицинские учреждения, где работают разнообразные специалисты в области здравоохранения. Антропологов всё чаще приглашают участвовать в конференциях и коллективных работах по этой теме, а также в исследованиях, оценке, консультиро-

вании и смежной деятельности по темам, связанным с алкоголем. Антропология лежит в основе одной из нескольких программ постдокторантуры по подготовке исследователей при поддержке американского Национального института изучения злоупотребления алкоголем и алкоголизма ²⁰, а в команде влиятельного Финского фонда исследований алкоголя недавно появился антрополог Теуво Пелтониemi (см. [Peltoniemi 1980]).

Практическая актуальность транскультурного понимания указанных тем непосредственно проявляется в двух сферах: во-первых, обеспечение здоровья и благополучия различных меньшинств, а во-вторых, оценка разной природы и частоты возникновения проблем у отдельных групп населения. Первые обзорные работы, посвящённые полиэтнической клинической среде (см. [Westermeyer 1974a], [Westermeyer 1975a]), наряду со сравнительными исследованиями обращений индейцев и других этнических групп в учреждения по лечению алкоголизма (см. [Westermeyer and Lang 1975]), способствовали появлению ценного базового руководства для врачей-практиков (см. [Westermeyer 1976c]). Нормативным подходам была посвящена конференция 1980 года по профилактике проблем, связанных с употреблением алкоголя (см. [Harford et al. 1980]), а год спустя

²⁰ На момент написания этой статьи автор возглавлял программу подготовки специалистов в области социальных исследований алкоголя в рамках гранта постдокторантуры 5 T32 AA 07131, предоставленного Национальным институтом изучения злоупотребления алкоголем и алкоголизма.

состоялась конференция, где обсуждалась актуальность взаимодействия исследователей социокультурной сферы и специалистов по лечению алкогольной зависимости (см. [Heath, Waddell and Topper 1981]). Для укрепления этого взаимодействия Джоан Эйблон (см. [Ablon 1979]) отдельно призвала антропологов применить свои компетенции к решению сегодняшних социальных проблем.

Мне никоим образом не хотелось бы умалять значимость человеческих страданий, порой вызываемых опьяняющим или каким-то иным воздействием алкоголя. В то же время следует отметить, что одной из устойчивых сильных сторон антропологических исследований является внимание не только к «алкоголизму», но и, собственно, к алкоголю как артефакту, а также к связанному с ним комплексу установок, ценностей и действий. Для кросс-культурной перспективы важен следующий вывод: проблемы, связанные с алкоголем, действительно встречаются редко, причем даже во многих из тех обществ, где выпивать – это обычное дело, а опьянение является привычным состоянием. Это простое наблюдение, в котором для антропологов нет ничего удивительного, приобретает особое значение на контрасте с ситуацией в большинстве западных стран и в других урбанизированных и индустриальных обществах. Исследователи, врачи и другие специалисты, обращающие внимание на место спиртного в таких обществах, почти исключительно концентрируются на патологических последствиях употребления алкоголя

– экономических издержках, физических или психических заболеваниях, социальной дезорганизации и прочих факторах. Таким образом, этнографический подход не только дополнил наше понимание диапазона вариаций человеческих представлений и вариантов поведения, связанных с алкоголем, но и способствовал принципиальному осознанию того, что многие последствия его употребления опосредованы культурными факторами, а не химическими, биологическими или какими-то другими фармако-физиологическими процессами. Точно так же в других дисциплинах редко признавалась значимость употребления алкоголя как «нормальной» (а не исключительно «девиантной») формы поведения. То же самое касается ещё одного факта: употребление алкоголя может иметь не только пагубные, но и вполне нейтральные, а то и положительные последствия. К такому «беспристрастному феноменологическому подходу» призывал Селден Бэкон, один из ведущих специалистов в области исследований алкоголя (см. [Васон 1978]), видя в нём отдельный и исключительно перспективный метод, в особенности по сравнению с «педалированием проблемы», преобладающим в рамках других подходов.

Ряд недавних тенденций можно рассматривать как признак того, что антропологические исследования алкоголя превращаются в состоявшееся направление. В некоторых областях науки в качестве важной вехи становления новой дисциплины рассматривается выход «хрестоматии». В этом

смысле появление антологии «Верования, поведение и алкогольные напитки: кросс-культурный обзор» под редакцией Мэка Маршалла [Marshall 1979a] можно лишь приветствовать, поскольку в ней собраны под одной обложкой разнообразные и не пересекающиеся между собой исследования множества представлений и вариантов поведения, связанных с алкоголем, по всему миру. В короткой заключительной главе этого сборника (сс. 441–457) приводятся весомые обобщающие тезисы, основанные на многообразии человеческого опыта, сопряжённого с алкоголем. Кроме того, важным этапом в становлении научных дисциплин иногда считается появление в них организационных структур и/или собственного периодического издания. Неформальная Группа по изучению алкоголя и наркотиков, основанная в 1979 году, уже год спустя влилась в Американскую антропологическую ассоциацию, с 1980 года периодически публикует свой информационный бюллетень и демонстрирует хорошие перспективы под руководством Женеьевы Аме, Линды Беннетт и Мириам Родин. Удачным подспорьем для этой работы оказался появившийся на раннем этапе библиографический обзор, выполненный Роберт Попхэмом и Кэрол Яуни [Popham and Yawney 1967], а его последующий аналог, который составили автор этой статьи и А. М. Купер [Heath and Cooper 1981], включает новые исследования, более тщательно индексируется и содержит ссылки на концепции, теории и проблемы, а также именной и географический указатели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.